
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В X—XIII ВЕКАХ

А. Х. Халиков

Среднее Поволжье с древнейших времен было довольно густо заселенной областью. В X—XIII вв. одни народы этого региона входили в состав Волжской Булгарии — экономически и культурно развитого государства Восточной Европы. Другие же, такие, например, как древнемарийские и древнемордовские племена, находились в сфере его воздействия.

В домонгольское время, но не позднее XII в., население Волжской Булгарии сформировалось в общеповолжскую народность, в своей основе тюркоязычную и в значительной степени мусульманизированную¹. Это предопределило сближение культуры населения Булгарии, с одной стороны, с культурой тюркоязычных народов Евразии на рубеже I—II тыс. н. э., а с другой — с культурой мусульманизированных стран Арабского Востока и Средней Азии. Последние в то время переживали расцвет духовной и материальной культуры, который иногда называют «мусульманским Ренессансом»².

В домонгольский период Волжская Булгария активно и постоянно контактировала с Киевской, а затем с Владимиро-Суздальской Русью, являвшейся почти непосредственным западным соседом Булгарии в XII—XIII веках. Поэтому при выяснении особенностей развития культуры народов Среднего Поволжья нельзя не учитывать эти моменты, а также и того, что до начала тюркизации Среднего Поволжья, то есть до I тыс. н. э.³, этот район был заселен финно-угорскими (финноязычными) племенами, которые определили не только субстрат будущего населения края, но и постоянно вливались в домонгольскую эпоху в состав населения Волжской Булгарии. Формирование самобытной культуры финноязычных народов края, от которых к началу II тыс. остались лишь группы волжских финнов — древнемарийские, древнемордовские племена (и финноязычная основа чувашей), уходит корнями в глубокую древность.

В I тыс. до н. э. и особенно в начале I тыс. н. э. формируются этнические особенности и складывается культурный облик местных финноязычных народов. Определенное значение в этом процессе имело взаимовлияние носителей двух этнокультурных образований — ананьинской и городецко-дьяковской, племена которых участвовали в формировании основ древнемарийских и древнемордовских племен. Необходимо учитывать и такой момент, как воздействие кочевых и полукочевых народов — ираноязычных киммерийцев, савроматов и сарматов, а также неоднократное вторжение в Среднее Поволжье тюрко- и угроязычных кочевников, вышедших преимущественно

---

¹ Е. А. Халикова. Мусульманские некрополи Булгарии домонгольского времени. «Поволжское археолого-этнографическое совещание». Казань. 1974, стр. 48 и сл.

² А. Мец. Мусульманский Ренессанс. М. 1973.

³ А. П. Смирнов. Древняя Русь и Волжская Болгария. «Славяне и Русь». М. 1968, стр. 167 и сл.; А. Х. Халиков. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья. «Советская этнография», 1972, № 1.

из Сибири⁴. Последующие интенсивные контакты местных финноязычных народов с тюркоязычным населением Волжской Булгарии активизировали проникновение в среду финноязычных народов культурных традиций, характерных для тюркоязычных народов. Немаловажное значение, особенно на заключительном этапе формирования древнемарийской и древнемордовской культур, имело начавшееся с X в. и усилившееся к XIII в. влияние на местное финноязычное население восточнославянской культуры.

Финноязычные племена Среднего Поволжья, занимавшие территорию между Русью и Волжской Булгарией, не только сохраняли самобытную культуру, но и впитывали проникавшие к ним культурные и экономические достижения соседей. В домонгольский период еще не наблюдалось фактов насильственного крещения или мусульманизации древнемордовских и древнемарийских племен. Ни Русь, ни Булгария не были заинтересованы в этническом поглощении этих народов, которые, с одной стороны, являлись источником богатой дани, с другой — играли роль буфера между обоими государственными образованиями.

Основу экономики древнемарийских и древнемордовских племен⁵ в X—XIII вв. составляло сельское хозяйство, при этом у мордвы оно имело несколько больший удельный вес, чем у мари. У марийцев прибрежных районов Волги и Вятки, а также среднего течения Ветлуги в X—XI вв. начинается развиваться земледелие с применением пахотных орудий. В лесных районах подсечно-огневая система сочеталась с пашенным земледелием, причем применялась деревянная соха с железными сошниками. В горных районах Волги, очевидно, в связи с интенсивной расчисткой лесных пространств в предшествующее время наблюдался переход от подсечно-огневого земледелия к использованию старопахотных земель.

Основным орудием земледелия была двузубая соха, сошники которой неоднократно попадались на древнемарийских землях (на р. Янгоре, в устье р. Илети, у Иранска, Уржума и в других местах). Немаловажное значение в развитии земледелия сыграл железный топор — частая находка в могильниках IX—XIII веков. Среди топоров у марийцев были и широколезвийные, хорошо известные в лесостепной полосе Восточной Европы. С помощью таких топоров расчищались обширные площади от леса. Возделывали марийцы просо, ячмень, овес, пшеницу. В одном из погребений древнемарийского могильника на Ветлуге (Веселовского) был найден мешок с зернами проса и ячменя. Для уборки урожая применялись слабо изогнутые серпы и, возможно, косы-горбуши типа марийских ручных кос «кид са», которые были широко известны еще и в XVIII—XIX веках. Зерно размалывали на ручных каменных жерновах (находки на Пижемском городище). Быть может, употреблялись и деревянные жернова с железной набивкой типа «щуран-вакш», бытовавшие у марийского населения в XVIII—XIX веках. Относительно развитым было льноводство. Большинство сохранившихся в могильниках тканей изготовлено из льняных нитей.

Скотоводство не выходило за рамки домашнего хозяйства. В могильниках часто встречаются изделия из телячьих и коровьих шкур, остатки шерстяной одежды. Найдены также железные кольчатые удила, ножицы для стрижки овец, подковы, бронзовые и железные подвески. В лесных районах Вятско-Ветлужского междуречья в IX—XI вв. определенное значение имела охота, превратившаяся к этому времени в промысел, который был рассчитан в какой-то мере на торговлю и выплату дани (в виде пушнины). Наряду с охотой широко бытовали бортничество, собирательство. Источники даже XVI в., например, «Казанская история», говорят о занятиях череми-

⁴ «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола. 1967; «Этногенез мордовского народа». Саранск. 1965; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М. 1964; А. Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья. «Археология и этнография Татарии». Вып. I. Казань 1971.

⁵ Г. А. Архипов. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола. 1973, стр. 70 и сл.; «Очерки по истории Марийской АССР». Т. I. Йошкар-Ола. 1965, стр. 45; М. Ф. Жиганов. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XII—XVI веках. «Археологический сборник». Т. II. Саранск. 1959; И. М. Петербургский. Хозяйство мордвы в I—начале II тысячелетия н. э. Автореф. канд. дисс. М. 1973.

сов: «Живут в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным... питаются»⁶.

Среди домашних промыслов выделялись некоторые отрасли ремесла, в основном кузнечное дело⁷. Древнемарийские и древнемордовские кузнецы сами добывали и обрабатывали железо. Эти традиции уходят корнями в глубокую древность. Из железа делались различные предметы — оружие, орудия труда и вещи домашнего обихода. Исследователи насчитывают около 100 видов предметов из железа и стали, изготовлявшихся древнемордовскими и древнемарийскими кузнецами в домонгольское время. Эти мастера знали различные способы улучшения качества железа, в том числе цементацию и, возможно, легирование. Обрабатывались также цветные металлы. Любопытно, что меднолитейным и ювелирным делом у марийцев и мордвы нередко занимались женщины, так как орудия литейного производства (ляльки, тигли, литейные формы) в древнемарийских и древнемордовских могильниках преимущественно найдены в женских погребениях. Очевидно, эти производства, как и гончарное, у древнемарийских и древнемордовских племен в домонгольское время еще не стали самостоятельным ремеслом. Показательно, что вплоть до конца XIII в. ни у мари, ни у мордвы не получила распространения гончарная посуда. Лишь в XIV—XV вв. появляются свидетельства об изготовлении посуды, похожей на русскую⁸.

Сравнительно слабое развитие ремесла объясняется не только внутренними, но и внешними причинами: древнерусским и болгарским купцам и феодалам было выгоднее сбывать местному населению изделия своих мастеров в обмен на пушнину и другое сырье; поэтому пушнина из здешних мест особенно активно вывозилась болгарскими купцами. Показателен в этой связи такой факт. Из сообщения Ал-Гарнати⁹ известно, что у болгар и русских основной обменной единицей в домонгольское время служили кунья и белчица меха. В татарском языке до сих пор самая мелкая денежная единица (копейка) называется «тиен» (белка). В марийском, удмуртском, мордовском, коми-зырянском и коми-пермяцком языках наблюдается такое же соответствие: «ур» одновременно означает и самую мелкую денежную единицу — копейку, и пушного зверька — белку¹⁰. Но если в татарском и, очевидно, в болгарском языке 1 копейка равнялась 1 белке («бер тиен»), то в марийском языке 1 копейка называется «кумыр», то есть 3 белки («кум» — три, «ур» — белка), 2 копейки — «шамыр», то есть 7 белок, а 3 копейки — «лур», то есть 10 белок¹¹. Это обстоятельство свидетельствует о характере торговли болгарских купцов с местными финноязычными народами.

В обмен на пушнину, обработанную кожу, продукты сельского хозяйства, пчеловодства древние марийцы и мордва получали изделия болгарских и древнерусских кузнецов — земледельческие орудия (сошники, серпы, косы), железное оружие (сабли, наконечники стрел и копий, топоры), а также поделки ювелиров — преимущественно серебряные плетеные браслеты, перстни, нагрудные украшения.

У марийцев и мордвы устойчивыми и традиционными являлись такие отрасли домашнего производства, как обработка дерева, кожи, кости и ткачество. В могильниках (Веселовский и Юмский у мари, Крюковско-Кужновский у мордвы) хорошо сохранились изделия из сыромятной и дубленой кожи, причем первые преобладают. В отдел-

⁶ «Казанская история». М.-Л. 1954, стр. 86.

⁷ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 75—77; И. М. Петербургский. Указ. соч., стр. 8 и сл.

⁸ Т. А. Хлебникова. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. «Труды» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (МарНИИ). Вып. XXII. Йошкар-Ола. 1967; М. Ф. Жиганов. Указ. соч., стр. 149; И. М. Петербургским высказана мысль о том, что начало производства посуды на гончарном круге у мордвы относится к XI—XIII векам. Однако это утверждение не получило веского археологического подтверждения.

⁹ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.)». М. 1971, стр. 35 и сл. (далее — Ал-Гарнати).

¹⁰ В. И. Лыткин, В. И. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М. 1970, стр. 297—298.

¹¹ В. М. Васильев. Функциональная семантика в марийском языке. «Ученые записки» МарНИИ. Т. I. Йошкар-Ола. 1948, стр. 49—50; Ö. V e k e. Über die Goldrechnung der Tschermischen. «Finnisch-Ugrische Forschungen». Bd. XXIV, Hf. 1—3. Helsinki. 1937, S. 265—267.

ку шли шкурки как домашних (телячьи, овечьи, лошадиные), так и диких (лосиные, куньи) животных. По-видимому, шкуры предварительно размачивали, потом сдирали с них мездру скобелями и обрабатывали костяными тупиками, железными стругами и ложилами. Для изготовления одежды употреблялись выделанные шкурки с мехом (большей частью куньи, жеребьячьи, лосиные). Ремни, сумки, кошельки, ножны изготовлялись из хорошо обработанных размягченных шкур с полным удалением меха. Внешняя поверхность таких изделий обычно подвергалась чешуйчатому тиснению, вышивке или украшалась листовыми медными и серебряными накладками.

Некоторая унификация форм и внешней отделки различных предметов (кошельки, ножны, обувь), найденных иногда в весьма удаленных друг от друга могильниках, говорит, возможно, о начавшемся выделении ремесла мастеров-кожевников, снабжавших своими изделиями широкую округу. Сохранившиеся в могильниках высококачественные изделия (одежда, обувь, кошельки, сумки, ножны и перчатки) свидетельствуют, что многие древнемордовские и древнемарийские кожаные поделки не уступали новгородским изделиям X—XI веков.

Из деревообделочных инструментов мари и мордвы домонгольского времени сохранились железные топоры, тесла, ложкари, ножи, железные гвозди. По способу изготовления выделяются долбленые и клепаные предметы. В могильниках найдены остатки чашек, мисок и бочонкообразных сосудов, изготовленных из липы, березы и дуба, а также деревянные рукоятки ножей, шильев, остатки деревянных гребней, украшенных порою искусной резьбой. Косторезы делали гребни, расчески, рукоятки ножей, шильев, костяные тупики и ложила, подвески в виде коньков и уточек из рога. Многие из этих изделий покрыты сложными узорами.

Относительно широкое развитие получило изготовление льняных, конопляных и шерстяных тканей. Прядением и ткачеством, очевидно, занимались женщины, так как лишь в женских погребениях обнаружены глиняные пряслы. Судя по сохранившимся тканям, можно полагать, что уже в X—XI вв. наряду с ручным вязанием было распространено ткачество на деревянных станках. Известны находки остатков как грубоотканых ручных тканей, так и станковых с плотной набивкой нитей холстов. Из шерстяной пряжи вязали онучи и иногда верхнюю одежду. Археологи обнаружили и куски привозных шелковых и бязевых тканей. Большинство тканей окрашено в красный и коричневый тона. В качестве красителей, очевидно, применялись естественные растительные краски.

В домонгольское время племена древних марийцев и мордвы находились на стадии разложения первобытнообщинных отношений и возникновения элементов классового общества¹². Военно-племенные вожди нередко превращались в племенных князьков, попадавших в вассальную зависимость от русских (например, мордовский князь Пуреш) или от болгар (мордовский князь Пургас)¹³. Смутные предания о племенных князьках, сосредоточивавших в своих руках не только экономическую, но и политическую власть, долго сохранялись среди марийцев. Так, П. И. Рычков записал у уфимских марийцев предания о первых двух князьях Сархандае и Кульсари, будто бы живших до монгольского нашествия. В памяти ветлужских мари сохранились имена князя Вахтана и его дочери Иргы, защищавших свой край от нападения врагов.

Судя по небольшим размерам могильников, для древних марийцев была скорее всего характерна большая семья, входящая вместе с другими подобными семьями в один род. У древней мордвы, кладбища которой отличаются более крупными размерами (к примеру, Крюковско-Кужновский могильник и другие могильники IX—XII вв.), вероятно, уже в домонгольское время стали оформляться общины территориально-сельского типа¹⁴. По-видимому, наиболее приемлемой является характеристика общественного строя финноязычных народов Поволжья, данная Ю. В. Готье: «Племена и были самыми крупными социальными образованиями, которые были известны до-

¹² Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 81; А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I и начала II тыс. н. э. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск. 1959, стр. 15.

¹³ «Полное собрание русских летописей». Т. 1. СПб. 1846, стр. 191—192.

¹⁴ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 84; А. П. Смирнов. Древняя и средневековая история народов Среднего Поволжья и Приуралья. «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 28, 1952.

историческим финнам. На фоне их то смутно, то более ясно выступают первые элементы феодализма»¹⁵. Отсюда — своеобразие развития культуры мари и мордвы в X—XIII веках.

Археологи пока еще не имеют четкого представления об их поселениях. В большинстве случаев, особенно в лесных районах, это были, очевидно, небольшие поселки типа заимок — руемов, состоявшие из нескольких домов. «Селились черемисы только по 2 или 3 семьи в одном месте, выбирали поляны, в лесах места около речек и ручейков, вырубали лес и строили себе жилища»¹⁶. В южных районах Сурско-Окского междуречья, возможно, были более крупные села. Широкое распространение у древней мордвы и мари деревообрабатывающих орудий (топоры, долота, стамески), а также давние традиции в возведении деревянных жилых и хозяйственных построек дают возможность предположить, что древнемарийские поселки и мордовские села в основном состояли из деревянных и скорее всего наземных домов, называвшихся и у мордвы, и у марийцев «кудо». По мнению ряда ученых, строительное дело у мордвы и марийцев в дальнейшем получило заметное развитие благодаря активному воздействию народов Древнерусского государства¹⁷.

Основные археологические памятники финноязычных народов Среднего Поволжья домонгольского времени — могильники, то есть грунтовые кладбища без каких-либо сохранившихся до наших дней внешних признаков. Раскопанные древнемарийские кладбища IX—XII вв. (Веселовский, Руткинский, Дубовский и другие могильники) «невелики и по площади и по количеству погребений»¹⁸. Древнемордовские кладбища — эрзянские (Гагинский, II Борнуковский, Коринский и др.) и прамокшанские (Красный Восток, Крюковско-Кужновский и др.)¹⁹ отличаются значительно большими площадями и числом погребений (до 500 и выше). Но для тех и других свойствен ритуальный обряд погребения: в основном труположение, реже трупосожжение. Последний обряд несколько чаще встречался у древних марийцев²⁰. У домонгольской мордвы он сохранялся как пережиток, но, судя по ранним могильникам, в VII—VIII вв. этот обряд бытовал еще широко. При обоих обрядах было обязательным сопровождение умершего одеждой, пищей, ритуальными предметами, что свидетельствует об устойчивом языческом характере духовной культуры и идеологии древней мордвы и мари в X—XIII веках. Обряд труположения своими корнями уходит в глубокую древность. Трупосожжение же есть основания связывать с возникновением и распространением подсечно-огневой системы земледелия, бытовавшей у племен Поволжья в I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. Веру в очистительную и возрождающую силу огня отмечают этнографы в мордовско-марийских материалах еще и рубежа XIX—XX веков²¹.

Духовная культура древних мари и мордвы мало исследована. Опираясь на этнографические материалы и их ретроспективное отражение в археологических данных, можно предположительно считать, что волжские финны в то время обожествляли явления природы. В древнемарийских и древнемордовских могильниках нередки находки антропоморфных пластинок, коньковых и зооморфных привесок, круглых блях, бубенчиков, колокольчиков, зубов, клыков и когтей хищных животных, которые следует отнести к атрибутам языческого культа²². Жрецы, очевидно, выступали в качестве как хранителей родовых традиций, так и знахарей. Свою роль жрецы сохраняли у волжских финнов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Интересные сведения о религиозных обычаях и обрядах местных народов Поволжья сообщает Ал-Гарнати: «Народность, живущая среди деревьев, бредущая

¹⁵ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.-Л. 1930, стр. 147.

¹⁶ Н. Троицкая. Черемисы Арбанской волости. «Известия» Общества археологии, истории и этнографии. Т. XI. Казань. 1893, стр. 66.

¹⁷ M. Räsänen. Über den russischen Einfluß auf Bautechnik der Wolga-Völker. «Finnisch-Ugrische Forschungen». Bd. XXV, Hf. 2—3. Helsinki. 1939.

¹⁸ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 11.

¹⁹ А. Е. Алихова. Указ. соч., стр. 18.

²⁰ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 12.

²¹ A. Nämäläinen. Das kultische Wachsfeuer der Mordvinen und Tschermis-sen. «Journal de la Société Finno-Ougrienne». XLVIII. Helsinki. 1936—1937.

²² Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 22 и сл.; В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. «Материалы по археологии России». Т. X. СПб. 1893.

бороды. Живут они на огромной реке и охотятся на бобров в этой реке... У них каждые десять лет становится много колдовства, а вредят им их женщины из старых колдуний... Харадж они платят булгарам. И нет у них религии, они почитают некое дерево, перед которым кладут земные поклоны»²³. Должно быть, речь здесь идет о мариюцах и их поклонении священным деревьям, культ которых еще сохранялся у них в XIX в. (кудаводож). Участие женщин в религиозных культах также известно благодаря данным мариюцкой этнографии, а в пантеоне языческих богов мариюцев большую группу составляли богини-матери (ава или аба) — мать солнца (кечы-аба), мать воды (вюдь-аба), мать земли (мландэ-аба)²⁴.

Одежда, обувь и бытовые предметы древних мари и мордвы пышно орнаментировались и украшались бусами, бисером, металлическими накладками и шумящими подвесками. Характерными для мариюцев были головные цепочки и височные кольца, шейные обручи — гривны, нагрудные шумящие подвески с арочными щитками и не менее свойственные для мордвы височные украшения с ромбическим грузиком, нагрудные бляхи-застежки. Археологические исследования позволили установить, что в X—XI вв. почти полностью оформился бытовой и праздничный костюм этих народов, состоявший из холщовой, шерстяной и меховой одежды, меховых и полотняных шапок, рукавиц, перчаток, кожаной и плетеной обуви. В качестве примера опишем реконструированный по материалам древнемариюцких могильников (Веселовский, Черемисское кладбище, Юмский и др.) женский и мужской костюмы древних мари.

Женский костюм состоял из холщовой или меховой рубахи, кафтана из телячьей шкуры или овчины (то и другое одинаковой длины) и кожаной обуви. Эта одежда украшалась медными и серебряными подвесками. На голову надевалась налобная повязка в виде кожаной ленты с берестяной основой шириною в 3,5—4 см и длиной в 30—34 см с серебряными четырехугольными накладками. Выше повязки вокруг головы обертывалась в 2—3 ряда медная цепочка, от которой через темя на виски опускались на цепочках подвески, доходившие до плеч. Весь этот убор держался на завязках, скрепляемых на затылке. Иногда на медной цепочке по затылку опускались дополнительные украшения. По способу оформления такой головной убор составлял основу позднейшей «сорокан ватэ», которая бытовала в XVIII—XIX веках. Поверх этих украшений надевалась войлочная или кожаная шапка с меховой опушкой.

К головному убору прикреплялись парные височные серебряные кольца с незамкнутыми концами. Один конец такой подвески обычно был заострен, второй слегка загнут и снабжен шляпковидной головкой или колбочкой. Впоследствии этот тип украшений в мариюцком женском костюме оформился в массивное парное околоушное украшение, также прикреплявшееся к головному убору. Пережитком височных колец, очевидно, является и «палыш окей» — петля из узкого ремешка, надеваемая на ухо и украшенная рядом мелких серебряных монет. К ушам прикреплялись серьги, обычно болгарского или древнерусского происхождения. На шее красовались одна-две серебряные гривны (они встречаются и в мужских погребениях) или подвески из монет, нашитых на кусок кожи либо холста. Наиболее распространенными были серебряные ложновитые гривны с петлей на одном конце и шляпкообразным запором — на другом. На граненой головке такого запора часто встречаются выцарапанные знаки (тамга) собственности. Запястья рук украшались набором из серебряных и медных браслетов (иногда до восьми браслетов на одной руке), пальцы — серебряными пластинчатыми перстнями с ромбовидным щитком.

Холщовая либо меховая рубаха подпоясывалась шнурком или шерстяной тесьмой. На рубаху прикреплялся нагрудник двух типов. Один из них (встречается преимущественно в подростковых и девичьих погребениях) состоял из парных шумящих подвесок с коньковыми ажурными трапециевидными щитками, прикрепленными к бронзовой цепочке или кожаному шнуру, перекинутому через шею. Этот тип нагрудника близок к украшениям мариюцких женщин XIX в. — «аршапш». Другой нагрудник представлял собой прямоугольный или трапециевидный кусок кожи, расшитый по краям серебряными нитями, с прикрепленными к нему шумящими подвесками

²³ Ал-Гарнати, стр. 37.

²⁴ И. Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань. 1899, стр. 174—175, 178.

с ажурным круглым либо трапециевидным щитком. Нагрудник пристегивался к одежде бронзовой застежкой-сюлгамой или просто нашивался. По форме и способу прикрепления древнемарийские нагрудные украшения аналогичны позднейшим «ширкама» или «почкама» мариет XIX века.

Поверх нижней одежды надевался кафтан, сшитый из отдельных кусков куньих шкур. Судя по кафтану, сохранившемуся в Веселовском могильнике, — это распашная цельная одежда с боковыми клиньями. Завязывался кафтан на груди кожаными шнурами с коньковыми шумящими подвесками на концах. Пояс и подол расшиты. Подпоясывался кафтан длинным кожаным ремнем и серебряными или медными накладками и несколькими концевыми ремешками, опускавшимися с пояса. Сзади к ремню подвешивались назадки в виде ремешка с нанизанными кольцами или в виде кожаных, богато убранных серебряными накладками подвесок. Спереди на ремне обычно висели нож, шило, кошелек. К мужским ремням по бокам подвешивались ритуальные ножны с серебряными обкладками, а спереди — кресало, кошелек с трупом и кремнями, иногда костяная расческа и обязательно нож в кожаных или деревянных ножнах с левой стороны (подобные ремни археологи находили и позднее, в материалах XVI—XVIII веков). На ногах носили шерстяные чулки и мягкую кожаную обувь, украшенную у женщин многочисленными бронзовыми подвесками. Изготавливалась обувь из цельной сыромятной кожи (так называемые поршни), скрепленной сверху продернутыми ремешками. Внутри лежала берестяная стелька.

Мужской костюм состоял из холщовой либо меховой рубахи или кафтана. Мужская рубаха, обнаруженная в Веселовском могильнике, была сшита из кусков куньего меха, по груди и подолу отделана мехом и расшита кожаными ремешками и серебряными нитями. Верх рубахи прямой, без воротника, с коротким разрезом по груди. Такая рубаха обычно застегивалась бронзовой сюлгамой. Кафтан, сшитый из овчины, имел бронзовые пуговицы. Украшением служил пояс, богато отделанный многочисленными подвесками. Мужская обувь также была кожаной, но без украшений. Носили мужчины и перчатки. В Веселовском могильнике (13-е мужское погребение) на кисть правой руки была положена пара перчаток из хорошо обработанной кожи. Это совершенно уникальная находка. Ранее перчатки обнаруживались в Восточной Европе лишь в материалах XV—XVI веков. Найденные в древнемарийском погребении конца X в. перчатки были сшиты из цельного куска кожи, сложенного по мизинцу пополам и прошитого по линии указательного пальца прочным соединительным швом, снаружи образующим зигзагообразный рисунок. Внизу перчатки застегивались на кожаную пуговицу.

Традиционным для древнемарийских и древнемордовских племен был (характерный преимущественно для народов, обитающих в лесной и лесостепной зоне) геометрический орнамент²⁵. У древних мариетцев несколько больше, чем у мордвы, был распространен животный орнамент, в частности изображения коней и коньковых привесок²⁶. У древней мордвы коньковые привески относительно редки и в сильной степени стилизованы, а в орнаментации предметов нередко встречаются узоры солярного характера²⁷, очевидно, как-то связанные с условиями хозяйства и быта.

Ничего пока не известно о системе воспитания, о просвещении и искусстве древних мари и мордвы (за исключением музыкального). В Юмском могильнике, оставленном предками луговых мари, была найдена медная пластина от музыкального инструмента типа «варгана» (марийское название — ковыж). В могильниках древней мордвы и мари нередко находки бронзовых и медных бубенчиков, колокольчиков от музыкальных инструментов типа бубна.

На вещах из древнемарийских кладбищ (головках серебряных гривен, днищах металлических сосудов) и древнемордовских могильников (глиняной посуде, отдель-

²⁵ Т. А. Крюкова. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск. 1968; е е же. Марийская вышивка. Л. 1954; A. Heikel. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors. 1899; e j u s d. Die Stickmuster der Tscheremissen. Helsingfors. 1910—1915.

²⁶ Г. А. А р х и п о в. Указ. соч., стр. 109.

²⁷ А. Е. А л и х о в а. Указ. соч., стр. 31 и сл.

ных предметах)²⁸ рассматриваемого времени иногда встречаются тамгообразные знаки, которые в известной мере можно интерпретировать как зачатки древнего письма и счета.

С XI в. усиливаются связи древнемордовского и древнемарийского населения с населением русских земель, наметившиеся в X веке. Показательны в этом отношении древнемордовские могильники по р. Цне (Лядинский, Томниковский, Крюковско-Кужновский и др.), где, как правило, обнаружены не только древнерусские предметы хозяйственного назначения (глиняная посуда, шиферные пряслица), но и вещи этнического (семилопастные височные кольца, кольчатые булавки-фибулы) и даже религиозного (шиферные кресты) характера. И в древнемарийских могильниках (например, в Веселовском) встречаются вещи (пластинчатые накладки с типично славянской плетенкой), попавшие сюда из древнерусских земель. В XII—XIII вв. марийское население постепенно втягивается в сферу влияния Северо-Восточной Руси на западе и новгородских ушкуйников — на Вятке. Следствием этого процесса явилось усиление русских черт в материальной культуре мари, особенно западных. В этом отношении примечателен клад, найденный у с. Орловка на границе Мари-Турекского района Марийской АССР и Уржумского района Кировской области и состоящий из серебряных слитков общим весом в 24 кг, серебряных украшений XII—XIII вв. и железных предметов. Слитки по форме напоминают русские денежные гривны. Свидетельством усиления влияния Северо-Восточной Руси на культуру марийского населения является и комплекс металлических предметов, обнаруженный при раскопках кузницы XII—XIII вв. у с. Сиухино в Горно-Марийском районе. Найденные там наконечники стрел, удила, подковы, металлические остатки замка идентичны железным вещам Новгорода и Рязани. Мордва и марийцы горной части Волги и Поволжья в XIV—XV вв. стали сами изготавливать гончарную посуду, напоминающую изделия русских гончаров. Но и в этих условиях сильным оставалось воздействие на племена древнемарийские (особенно в луговой части) и древнемордовские (в первую очередь на мокшанскую группу) экономики и культуры Волжской Булгарии.

Культура населения Волжской Булгарии в своем развитии с X в. до XIII в. претерпела серьезные изменения. Если первоначальной ее основой служили социально-экономические и культурно-этнические особенности, присущие полукочевым, преимущественно тюркоязычным племенам, тесно связанным с миром степей Евразии второй половины I тыс. н. э., то есть с Тюркским и Хазарским каганатами, то в XI в. с упрощением собственной государственности и соответствующих социально-экономических отношений культура Булгарии становится культурой оседлого населения. Почти все ее сферы оказываются подчиненными мусульманским канонам, поскольку она испытывает серьезное воздействие со стороны культуры Ближнего Востока и Средней Азии. История Волжской Булгарии начинается с проникновения в эту часть Поволжья племен, именованных булгарами. Оно началось не ранее VIII века²⁹. Раннебулгарский период истории Волжской Булгарии занимает время до начала X в.; X—XIII вв. (до 1240-х годов) относятся к домонгольскому периоду, который был временем формирования мусульманизированной культуры.

Первый период представлен археологическими памятниками типа языческих могильников (Кайбельский, Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский)³⁰. Поселения ранних булгар (VIII—IX вв.) археологически пока не выявлены. В то время страну заселяли полукочевые племена, среди которых наряду с тюркоязычными (берсула, баранджары, эсегелы) были и угроязычные мадьяры, а в непосредственной близости с булгарами жили тюркоязычные буртасы³¹ и древние марийские и мордовские племена. Большинство тюрко-угорских племен придерживалось кочевнических тради-

²⁸ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 54, 62; «Древности мордовского народа». Альбом. Саранск. 1941, стр. 20, рис. 26—28.

²⁹ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М. 1964.

³⁰ Е. А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника. «Археология и этнография Татарии». Вып. I; Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Там же.

³¹ Е. А. Халикова. Magna Hungaria. «Вопросы истории», 1975, № 7; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Т. I. М. 1962, стр. 27—28. 230—252.

ций, основанных на обожествлении сил природы, поклонении тотемным животным, и на культах, связанных с представлениями периода военной демократии. Об отголосках этих культов писал Ибн-Фадлан, посетивший Булгарию в 922 году. Он, в частности, сообщал, что булгары и соседние с ними племена поклоняются змеям, рыбам, журавлям, «считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак», проявляют особое уважение, переходящее в поклонение, к оружию и верят в существование богатырей-великанов, легендарных Алпов³².

Наглядной иллюстрацией некоторых культов могут служить своеобразные бронзовые человеческие фигурки с изуродованными частями тела, известные под именем «уродцев» или «уродливых статуэток», найденные при раскопках в районах Среднего Поволжья и Приуралья. Датируются они преимущественно раннебулгарским периодом. Классический образец этих «уродцев» — так называемая «Маклашеевская всадница»³³. Эта статуэтка связана с культом тотемной генеалогии тюркских племен и является отголоском полузабытых легенд древнетюркского происхождения. Все медные статуэтки имеют следы увечий: отсутствует нога или рука или нет одновременно руки и ноги, иногда обеих ног, нередко выбит глаз. Среди «уродцев» выделяются две группы: «уродцы»-мужчины с островежкой головой, одной ногой, одним глазом и одной рукой и «уродцы»-женщины с ребенком на руках или изображением младенческого лица на груди либо в приподнятой руке, иногда беременные. Встречаются двуполоые и многоликие фигурки.

Раскрыть смысл этих изображений трудно. Общую для них черту — изувеченность можно условно связывать с древнейшей тюркской легендой, по которой хуннские предки собственно тюрков, жившие на краю большого болота, или «Западного моря» (Аральского и Каспийского), были истреблены врагами хунну. Уцелел лишь 10-летний мальчик, брошенный с отрубленными ногами и руками в болото. Его спасла волчица. Но враги узнали об этом и убили юношу. Тогда «волчица удалилась в окруженную со всех сторон непроходимую горами долину (Алтая) и родила там десять сыновей, от которых произошли тюрки — тюгу»; в другой легенде говорится, что то же произошло с дочерью хуннского шаньюя, родившей от волка сына — прародителя телеских племен³⁴. Иллюстрацией ко второй генеалогической легенде может служить бронзовая статуэтка из Маклашеевки, изображающая женщину с изувеченной правой стороной (нет глаза, отрублены рука и нога), сидящей верхом на барсе вместе с фигуркой младенца в левой руке.

Культовый волк, собаки, в меньшей степени барса и других хищных животных свойствен полукочевым тюрко-угорским племенам³⁵. Лучшие части тюркской кавалерии назывались «буре» (волк). На знамени предводителя тюрков Ашина красовалась волчья голова³⁶. В X—XII вв. у ряда западных тюрков, особенно огузо-кипчаков, отмечает Михаил Сириец, главным тотемом был сивый волк. Следы этого культа сохранились и у тюркоязычных народов Среднего Поволжья и Приуралья, прежде всего татар и башкир. Так, у татар в сказках «Ак буре» («Белый волк»), «Аучы егет» («Парень-охотник»), «Марьям» фигурирует волшебный волк, который помогает героям сказок и превращает их врагов в каменных идолов. В некоторых эпических произведениях, например, «Алпамыш», прародителем героев является волк

³² А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956, стр. 131, 135, 137—139 (далее — Ибн-Фадлан).

³³ А. Х. Халиков. Маклашеевская всадница. «Советская археология», 1971, № 1.

³⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л. 1950, стр. 214, 215, 220; Н. И. Арстов. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности. «Живая старина», Т. III—IV. 1896, стр. 281.

³⁵ Л. П. Потапов. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. «Краткие сообщения» Института этнографии АН СССР (КСИЭ). Вып. XXX. 1948; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. VI, вып. 4. 1947; Г. А. Федоров-Давыдов. Тигашевское городище. МИА, № 111, 1962, стр. 86; его же. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966, стр. 192.

³⁶ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М. 1967, стр. 67; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 221.

(Бай-буре, отец Алпамыша)³⁷. В памятниках Поволжья и Приуралья VIII—IX вв. нередко следы культа волка или собаки. Так, на серебряных накладках конской узды, извлеченной из Ишимбайского кургана (раскопан в 1963 г. Н. А. Мажитовым), изображены волки и их схватка с лошадьми и другими животными. Серебряные рельефы волчьих голов известны на накладках ремней Хусайновских курганов. Уже в X в. встречается упоминание башкир, имя которых, по мнению В. Н. Татищева, означает «главный волк»³⁸.

Клыки волка в качестве амулетов встречаются в погребениях Больше-Тарханского и Танкеевского могильников. Ритуальное значение имело расчлененное тело собаки, обнаруженное в слоях X в. Тигашевского городища³⁹. Ибн-Фадлан сообщал, что «год собаки» был у булгар годом «изобилия, благословения и благополучия»⁴⁰. Скелет собаки был обнаружен в яме от фундамента минарета дворцовой мечети в Биляре. Культ собаки сохранился и в легенде казанских татар о постройке Казани, при закладке которой под стены была зарыта живая собака⁴¹. У казанских татар до недавнего времени наличествовал своеобразный обычай, связанный с рождением ребенка. Поворожденному одевали рубашку, называвшуюся «кочек кулмаге» («рубашка кутенка»). У татар же, как и у некоторых других тюркских народов, бытовали легенды и предания о происхождении отдельных племен и родов от собаки. Вероятно, эта традиция была свойственна и западным (огузо-кипчакским) тюркам, ибо у собственно кипчаков и у печенегов существовали легенды о связи происхождения их родов с собакой⁴².

Не исключено, что и в названии ранних тюркских насельников Среднего Поволжья отразились древние генеалогические имена, связанные с волком, собакой и барсом. Такова, возможно, семантика названия племени «буртас», которое можно перевести как «буре тас» — каменный волк. Быть может, слово «булгар» тоже связано с волком (буре, булифули). Татарские предания связывают название р. Итиль (Идель, Волга) с собакой — «Ит-ель» (собачья сторона), «ет-тиле» (собачий язык). В IX—X вв. области Среднего Поволжья назывались на Востоке страной собачьих печенегов («ит бечене»), а население Булгарии X в. именовалось сакалабами, что по-печенежски переводится как «вскормленные собакой»⁴³.

С несколько иными представлениями, должно быть, связаны фигурки изувеченных мужчин с островерхой шлемовидной головой, найденные на Балингузе, у с. Билярска. Эти фигурки изображают одноглазых, одноруких и одноногих мужчин. Но такими же одноглазыми и одноногими существами представляют татары и башкиры лесных духов — «шурале» (у горных и зауральских башкир) или «ярымтык» (у татар и западных башкир). У башкир распространены легенды о возникновении некоторых родов в результате сожительства людей с шурале-ярымтыком или вследствие подмены детей, когда шайтаны кладут на их место своих уродов⁴⁴. Наконец, двусторонние фигурки, как и фигурки рожениц с двумя детьми-близнецами, распространенные только в Поволжье, могут быть связаны с бытовавшими у булгар легендами о сыновьях Алпа или Кемара (Кимара), двух братьях — Булгаре и Буртасе.

³⁷ Р. А. Гусейнов. Значение «хроники» Михаила Сирийца для изучения этнической истории огузов. «Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа». Ашхабад. 1967, стр. 16; М. А. Васильев. Памятники народной словесности. Сказки и легенды. Казань. 1924; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М. 1967, стр. 419; В. М. Жирмунский. Некоторые итоги изучения эпоса народов Средней Азии. «Вопросы изучения эпоса народов СССР». М. 1958, стр. 41.

³⁸ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М.-Л. 1962, стр. 237.

³⁹ А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1951, стр. 145.

⁴⁰ Ибн-Фадлан, стр. 72.

⁴¹ С. Г. Вахидов. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края. «Вестник научного общества татароведения». Т. 4. Казань. 1926, стр. 59.

⁴² «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 353; В. А. Гордлевский. Указ. соч.

⁴³ С. Г. Вахидов. Указ. соч., стр. 84; А. Джекиев. Народные предания о происхождении туркмен. «Всесоюзное совещание по этногенезу туркменского народа», стр. 17; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 171, 172; А. М. Щербак. К вопросу о языке и письменности печенегов. МИА, № 75, 1959.

⁴⁴ С. И. Руденко. Башкиры. М. 1957, стр. 318, 319.

Эта легенда, возникшая в раннебулгарское время, дожила до наших дней в устных преданиях казанских татар⁴⁵.

Очевидно, еще в раннебулгарский период на высокой горе правого берега р. Малый Черемшан около природного источника было устроено булгарское святилище, наподобие святилища на горе Мадара в Дунайской Болгарии. От первого сохранились остатки четырехугольной площадки, окруженной глубокими рвами. Здесь совершалось традиционное поклонение так называемому святому ключу, использованное позднее и мусульманским и православным духовенством⁴⁶. О существовании в этом месте общепулгарского святилища имеется глухое упоминание у Ибн-Фадлана, который сообщал о сборе булгарских племен у реки Джавшыр, что можно перевести с древнетюркского как место жертвоприношения⁴⁷.

У раннебулгарских племен, надо полагать, имела письменность, основанная на рунической графике, близкой к тюрко-орхонской. Об этом свидетельствуют находки в Среднем Поволжье и Приуралье надписей, выполненных рунами, а также традиционное сохранение некоторых рунических знаков в виде клейм на булгарских изделиях более позднего периода⁴⁸. Так, на керамике Билярского городища зафиксировано более 20 различных клейм-знаков, повторяющих почти все буквы тюрко-орхонского алфавита. Среди них наиболее часто встречающимся знаком является знак, который в тюрко-орхонском алфавите обозначал звук «Б»⁴⁹ (может быть, начальную букву слова «Булгар» или «Билар»).

Наивысшего расцвета культура Волжской Булгарии достигает в домонгольский период, что было связано с процессом централизации государства, активно проводившейся в первой трети X в. булгарским царем Алмушем, который заложил столицу Булгарии⁵⁰ и освободил страну от хазарской зависимости. Наряду с процессом централизации и феодализации страны шло распространение мусульманской религии, которая начала проникать в Булгарию в VIII—IX веках. Можно предположить, что пришедшие сюда около середины VIII в. баранджары, то есть жители северо-кавказского Баранджара-Беленджера, уже были мусульманами, а Ибн-Русте, фиксируя сведения, относящиеся к булгарам IX — начала X в., писал: «Большая часть их исповедует ислам, и есть в селениях их мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами». Окончательно мусульманская религия утвердилась в Волжской Булгарии в XI—XII вв.; тогда языческие могильники в городах и сельской местности были заменены мусульманскими кладбищами — зиаратами⁵¹.

Принятие булгарами мусульманской религии повернуло развитие культуры Волжской Булгарии в иную сторону. Началось сближение с культурой Арабского Востока и Средней Азии. В немалой степени способствовали этому традиционные торгово-экономические и культурные связи Булгарии с данными регионами. Недаром Ибн-Фадлан, будучи в Булгарии, говорит о людях из Багдада, Хорезма и Индии⁵², живших у булгар, как о чем-то само собой разумеющемся. Приобщение к культуре мусульманского Востока, впитавшей в себя достижения предшествующих цивилизаций (не только восточных, но и греко-римских)⁵³, несомненно, сыграло положитель-

⁴⁵ «Древняя татарская литература». Казань. 1963, стр. 26 (на татар. яз.); С. Г. Вахидов. Указ. соч., стр. 83, 84.

⁴⁶ В. Антонова. Мадара. София. 1970; Ф. В. Тарзиманов, Али-Рахим. «Хузьяр Тау». «Вестник научного общества татароведения», 1928, № 8, стр. 174—175, 177—179.

⁴⁷ Ибн-Фадлан, стр. 139.

⁴⁸ Х. Р. Курбагов. История алфавита и орфографии татарского языка. Казань. 1960 (на татар. яз.); Э. Тенишев. Камень с рунической надписью из Юрьева. «Лингвистический сборник». Ташкент. 1971, стр. 21—23; А. Х. Халиков. Происхождение татарского народа. Казань. 1974, стр. 26.

⁴⁹ «Древнетюркский словарь». М.-Л. 1969, стр. XV.

⁵⁰ А. Х. Халиков. О столице домонгольской Булгарии. «Советская археология», 1973, № 1, стр. 94.

⁵¹ Ибн-Фадлан, стр. 138; Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бек Омар Ибн-Даста (Ибн-Русте). СПб. 1869, стр. 23 (далее — Ибн-Русте); Е. А. Халикова. Исследования на территории Волжской Булгарии. «Археологические открытия 1972 г.». М. 1973.

⁵² Ибн-Фадлан, стр. 135, 137, 140.

⁵³ И. М. Фильштинский, Б. Я. Шидфар. Очерк арабо-мусульманской культуры (VII—XII вв.). М. 1971, стр. 83 и сл.

ную роль в развитии болгарской культуры. Но вместе с тем в условиях значительной культурной интеграции в мусульманизированных странах оно привело к утере местной культурой ряда самобытных черт.

Волжская Болгария в домонгольское время экономически и политически являлась развитой страной. Основу ее экономики составляли земледелие, скотоводство и ремесленное производство⁵⁴. Немаловажное значение имела и торговля как внутри страны, так и особенно за ее пределами. Наиболее широкими были торгово-экономические связи со Средней Азией, Ираном и Русью. С Русью неоднократно заключались торговые договоры, например, в 1006 г., когда «прислали болгары послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил и дал им во все города печати, дабы они везде и всем вольно торговали и русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения»⁵⁵. Существовали твердо регламентированные караванные и водные пути из Болгарии на Восток, из Руси в Болгарию, из Болгарии в северные земли и Прибалтику⁵⁶. При движении караваны нередко ориентировались по звездам, но не исключено, что болгары знали инструменты типа гномона для установления сторон света. Об этом свидетельствуют четкие ориентации мусульманских захоронений и мусульманских мечетей в домонгольской Болгарии.

Знание звездного неба, расположения планет, Солнца и Луны было для болгар практической необходимостью. Это подтверждает детально разработанная система названий планет, отдельных звезд и созвездий, сохранившаяся затем у поволжских татар: «Тимер казык» (Железный кол — Полярная звезда), Акбузат (Белая лошадь), Кукбузат (Голубая лошадь), Тустыган йолдыз (Звезда-ковш — Большая медведица), Киек каз юлы (Путь диких гусей — Млечный путь) и т. д. Показательно, что многие из них (Акбузат, Кукбузат и др.) имеют древнее, скорее всего болгарское семантическое происхождение. По звездам определяли время года, а также регулировали сельскохозяйственные работы. У болгар существовал 12-летний «животный» цикл летосчисления, в котором каждый год носил название определенного животного. Были годы мыши, коровы, барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, куницы, собаки и свиньи. О них свидетельствует и именованник царей Дунайской Болгарии⁵⁷. Начало года у болгар, вероятно, отмечалось по иранскому обычаю в марте, а Новый год именовался «науруз», то есть «новый день». Еще в XVIII в. И. Г. Георги писал, что год у казанских татар начинается с равноденствия в марте⁵⁸.

У болгар с древнейших времен существовала определенная система счета, возможно, первоначально 12-ричная. Отголоском этого являлись 12-летний календарь и счет по 12-ти (дистэ). В Танкеевском и Больше-Тарханском могильниках были найдены игральные кости, лежащие группами по 12, 24 и 36. С внедрением ислама произошло проникновение десятиричной системы и арабского цифрового обозначения чисел, хотя еще долго болгары (до конца XIV в.) и их потомки — поволжские татары (до конца XVIII в.) предпочитали писать даты словами⁵⁹. Меры веса у болгар были соподчинены арабско-иранской системе. В основе лежал арабский мискаль, равный 4,26 г или 1/96 иранского ратля. Об этом свидетельствуют находки железных гирек кубической формы, обнаруженные в ряде болгарских памятников домонгольской поры⁶⁰. Самой крупной весовой единицей был батман (1000 мискалей = 10 фун-

⁵⁴ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М. 1951.

⁵⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч. Т. II. М. 1963, стр. 88.

⁵⁶ Ибн-Фадлан, стр. 18; Б. А. Рыбаков. Путь из Булгара в Киев. «Древности Восточной Европы». М. 1969, стр. 189 и сл.; Ал-Гарнати, стр. 31 и сл.; В. В. Кропоткин. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным. МИА, № 176, 1970, стр. 146 и сл.

⁵⁷ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 315—316; И. И. Миккола. Хронология дунайских болгар. «Известия» Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXIX, вып. 4. Казань. 1919.

⁵⁸ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Т. II. СПб. 1799, стр. 10.

⁵⁹ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 326.

⁶⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. О болгарских гирьках в собрании Государственного музея Татарской АССР. «Советская археология», 1957, № 1.

там = 4,266 г). Показательно, что болгарская мера веса сближалась и с древнерусской: мискаль был равен золотнику (4,266 г).

Объемы посуды примерно соответствовали принятым мерам емкостей. Самой мелкой единицей являлась чашка, или миска (айяк: 300—400 г), средней — горшок (чулмаяк-чулмэк: 3—4 л), наиболее крупной — кадушка, корчага, хум (кисмаяк-кисмэк: 30—40 л). В последних, как показали раскопки в Биляре, хранились зерно, разнообразные крупы, возможно, мед и масло. Очевидно, в Болгарии были разработаны также меры длины и площади. Как и у многих других народов, древнейшие из этих мер связаны с размерами частей тела взрослого человека, илле (ширина среднего пальца) — около 2 см, карыш (пядь, около 15 см), терсэк (локоть, 35—38 см), адым (шаг, около 70 см), колач (расстояние между вытянутыми руками, около 170—180 см). Более длинные расстояния измерялись количеством пройденных шагов, дней. Система этих измерений в основном может быть проверена на размерах болгарских построек. Вскрытые на Билярском городище здания имеют промеры, приблизительно кратные указанным выше длинам: ширина кирпича — около 2 карыш (27—28 см), толщина — до 3 илле (5—6 см), толщина стен — около 3 терсэк (110—120 см). Наряду с местными мерами длины, по-видимому, применялись и арабско-персидские меры: фарсах (около 6—7 км), мил ($\frac{1}{3}$ фарсаха = 2 км) и т. д. Но меры длины у болгар больше соответствовали древнерусской метрологии, также основанной на размерах частей человеческого тела⁶¹.

В X в. болгары чеканили металлическую монету, соответствующую арабскому серебряному диргему. Знали они и крупную денежную единицу — золотой динар. В XI—XII вв., в связи с общим серебряным кризисом на Востоке, в Болгарии наступает так называемый безмонетный период, в широком ходу в качестве денежных эквивалентов распространяются беличьи, куньи и лисьи меха. Наряду с ними в XI—XII вв. в Болгарии имели хождение серебряные палочкообразные слитки, аналогичные древнерусским гривнам и равные им по весу (204,756 г)⁶².

Это связано с развитием торговли и городского хозяйства. Действительно, домонгольская Болгария была известна не только как страна земледельцев, ремесленников и торговцев, но и как страна городов. Так, Юлиан — венгерский монах, побывавший дважды в Болгарии в 30-е годы XIII в., писал о многих городах и замках в этой стране. Плано Карпини упоминает Болгарию как страну «Gardarica», то есть городскую страну. Действительно, на территории Болгарии открыто свыше 150 древних городищ и около 2 тыс. неукрепленных селищ домонгольского времени⁶³. Имеются и остатки крупных городов — столицы страны, княжеско-административных центров и местных городов-замков. Более 20 из них были в 1973—1974 гг. обследованы аэроблуждениями. Своими размерами (площадь около 7 млн. кв. м) и укреплениями (5 рядов земляных валов и глубоких рвов) выделяется столица Волжской Болгарии домонгольского периода, известная в русских источниках под именем Великого города, а в восточных — Биляра-Булгара⁶⁴. Большинство болгарских городищ домонгольской поры (Билярское, Суварское, Богдашкинское-Ошельское, Щербетское, Тигашеевское, Качеевское, Шибачское, Чувашское-Бродское и др.) имело подквадратную или округло-концентрическую в плане форму. В этом следует усматривать древние кочевнические традиции расположения поселений кольцами. Рашид ад-Дин по этому поводу писал: «В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось

⁶¹ См. Ибн-Фадлан, стр. 135—139; В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М. 1970; «История культуры Древней Руси». Домонгольский период. Т. I. М.—Л. 1951.

⁶² С. А. Янина. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. МИА, № 111, 1962; В. Л. Янин. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. «Краткие сообщения» Института истории материальной культуры. Вып. 66. 1956, стр. 27.

⁶³ С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив». Т. III. 1940, стр. 81; «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М. 1957; С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань. 1877; Р. Г. Фахрутдинов. Территория и памятники Волжско-Камской Болгарии. Казань. 1975.

⁶⁴ А. Х. Халиков. О столице домонгольской Болгарии; Ал-Гарнати, стр. 31.

в какой-либо местности, оно располагалось наподобие кольца и старейшина находился в середине круга, подобно центральной точке; это и называлось куренем»⁶⁵.

Биляр-Булгар имел такую же концентрическую планировку. В центре располагалась цитадель, окруженная мощной дубовой стеной с башнями по углам и у выездных ворот. В цитадели размещались царский дворец и мечеть, здания администрации, зернохранилища и различные склады, а также кладбище знати. Царь у болгар по иранской традиции назывался, очевидно, падишахом, а по арабской — эмиром. Вокруг цитадели располагался внутренний город, окруженный двумя рядами земляных валов с мощными дубовыми стенами по ним. Во внутреннем городе проживали представители знати, богатое купечество и другие именитые горожане, но здесь в отдельных слободках жили и ремесленники-металлурги, кузнецы, ювелиры, косторезы. За воротами внутреннего города (например, у восточного угла) раскинулся караван-сарай для приезжих купцов, а далее шли постройки внешнего города, окруженного первоначально (в X в.) одним, затем — двумя, а к XIII в. — тремя рядами земляных валов. Во внешнем городе в основном проживали ремесленники (известно несколько гончарных слобод), мелкие торговцы и другие рядовые горожане. За пределами внешнего города к западу и к северу находились обширные городские кладбища, а между ними шли неукрепленные предместья.

По своей планировке столица Волжской Булгарии домонгольского периода напоминала стольные города Первого Болгарского царства на Дунае — Плиску и Преслав, имевшие концентрическое членение на цитадель, внутренний и внешний города; в меньшей степени она похожа на крупнейшие политические и экономические центры домонгольской Средней Азии — Мерв, Самарканд, Ургенч⁶⁶. Для последних характерно расположение цитадели не в центре внутреннего города, а в его углу или просто на наиболее возвышенном месте, иногда даже за пределами города. В настоящее время пока еще трудно говорить более детально о внутренней планировке болгарских городов, хотя для этого уже накоплен достаточный материал, особенно после проведения в 1973—1974 гг. широких аэрофотосъемок и аэровизуальных наблюдений над Билярским и некоторыми другими (Суварское, Богдашкинское-Ошельское, Кокрятское и пр.) болгарскими городищами⁶⁷. Крупные города, очевидно, имели поквартальную планировку, хотя на их окраинах нередко были запутанные улочки, разделявшие дворы и усадьбы, расположенные группами, а иногда кольцевыми «курениями».

Города, не говоря уже о селах, в основном были застроены деревянными домами. Как писал Истахри (IX—X вв.), «у них — деревянные строения»; позднее Ал-Гарнати конкретизировал это сообщение: «Булгар (имеется в виду Биляр-Булгар. — А. Х.) тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба»⁶⁸. Как показали археологические исследования на Суварском, Билярском, Булгарском городищах, для них характерны наземные деревянные дома прямоугольной формы (4 × 6 м, 3 × 5 м) без углубленного фундамента, но с подпольем, со сводчатыми печами, обычно расположенными в переднем углу дома и имевшими дымоходную трубу. Внутри дома делали широкие палаты (в более поздних татарских домах они назывались сакэ). К дому почти всегда примыкала усадьба-двор, состоявшая из разбросанных хозяйственных (амбары, клетки) и бытовых (бани) построек. К усадьбе ремесленника обычно присоединялся производственный двор — кузница, мастерская. Кроме остатков деревянных домов и хозяйственных построек, известны болгарские колодцы (на Билярском городище их исследовано около 10). Если дома сооружались из рубленых бревен и почти без применения гвоздей⁶⁹, то колодцы имели де-

⁶⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.-Л. 1952, стр. 86.

⁶⁶ Ст. Станчев. Старобългарската култура през VIII—X век. «Трудове» на Высшия пед. ин-т. Т. I, вып. 3. София. 1964, стр. 24; «Средневековый город Средней Азии». Л. 1973.

⁶⁷ А. Х. Халиков, Н. И. Игонин. Аэрофотосъемка крупных археологических объектов. «Вестник» Академии наук СССР, 1974, № 7, стр. 70—72.

⁶⁸ Б. Н. З а х о д е р. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М. 1967, стр. 37; А л - Г а р н а т и, стр. 34.

⁶⁹ Булгары знали и широко употребляли кованые железные гвозди, особенно для сколачивания гробов. Но в домостроительстве употребление гвоздей фиксируется редко.

ревянные кораба из бревенчатых срубов или в виде ящичков, сколоченных из дубовых досок. Булгары применяли различные способы крепления срубов и ящичков — «в лапу», «в обло», «в угол». Нередко стены срубов снаружи и изнутри обмазывали глиной или известково-алебастровой обмазкой. Встречаются и следы каркасных домов, сооруженных из плетня, обмазанного глиной. Последние, как и почти полностью глинобитные дома, особенно свойственны нижним горизонтам культурного слоя Билярского городища. Традиция глинобитного строительства была, очевидно, привнесена в Булгарию с Арабского Востока, из Ирана (Хорасана) и Средней Азии, где этот вид построек был наиболее широко распространен с глубокой древности вплоть до позднего средневековья. Об этом свидетельствует не только техника строительства, но и почти обязательное сопровождение таких домов в Булгарии своеобразными цилиндрическими печами типа тандыров, не менее характерных для кухонной традиции Ирана и Средней Азии, чем глинобитная техника — для домостроительства.

Особенно ярко строительная культура булгар в домонгольское время проявилась в кирпичном строительстве. Не только в крупных булгарских городах Биляре и Суваре, но и в малых — Хулаш, Шибачи, Муромский городок на Самарской Луке — известны остатки кирпичных зданий домонгольской поры⁷⁰. Булгары при их возведении применяли жженный или полубоженный кирпич квадратной формы⁷¹, скреплявшийся в X — XI вв. глинистым, позднее глинисто-известковым либо глинисто-алебастровым раствором. Техника кирпичного строительства проникла в Булгарию, очевидно, из Хорасана и Средней Азии, но нельзя исключать и византийско-хазарское воздействие. Возможно, строителями первых кирпичных зданий в Биляре, Суваре и других городах были хорасанские и среднеазиатские мастера. Исследователи полагают, что в огромном караване, пришедшем с Ибн-Фадланом в Булгарию в 932 г. и состоявшем из 5 тыс. человек и 3 тыс. лошадей, а также многих верблюдов, было много мастеров-строителей⁷². Участие этих людей в строительстве кирпичных зданий Биляра и Сувары в свое время отмечал А. П. Смирнов⁷³. Действительно, изученные в 1969—1972 гг. в цитадели и караван-сарая Биляра остатки двух кирпичных зданий, возведенных не позже X в., в своем архитектурном плане и приемах строительства (простая кладка на глинистом растворе, оформление входной стены пилястрами, квадратная в основе планировка, антисейсмическая подушка по углам здания) находят ближайшие параллели в досельджукской архитектуре Багдада, Хорасана и юго-западных районов Средней Азии⁷⁴.

Византийскими мастерами на первых порах, возможно, осуществлялись сложные для того времени работы по устройству центральной отопительной системы. Все исследованные к настоящему времени булгарские кирпичные здания домонгольской поры (три здания в Биляре, одно — в Суваре, одно — на Хулашском городище, два — на Муромском городке) имеют остатки сложной системы центрального отопления, включавшей большую печь, от которой под полом, а нередко и по стенам здания расходилась разветвленная сеть отопительных (дымоходно-тепловодных) каналов. В своей

⁷⁰ На Билярском городище аэрофотосъемкой и наземными наблюдениями зафиксированы следы около 50 кирпичных зданий, два из них изучены археологами. На Суварском городище А. П. Смирновым в 1933—1937 гг. исследованы остатки кирпичного дома дворцового типа (А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 246 и сл.). Кроме того, в 1974 г. аэросъемкой и аэронаблюдениями здесь отмечены следы 10 кирпичных зданий (А. П. Смирнов, В. Ф. Каховский. Хулаш. Чебоксары. 1972; Н. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 г. СПб. 1770).

⁷¹ Кирпич X — XI вв. был стандартным — толщиной в 4,5—5,5 см и шириной в 26—28 сантиметров. В XII—XIII вв. употреблялся разномерный кирпич — от маломерного с шириной сторон в 22—23 см и толщиной в 4 см до крупномерного с шириной сторон в 28—30 см и толщиной до 6 сантиметров.

⁷² А. Ю. Якубовский. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар. «Советская археология», 1948, № 10, стр. 267—268; В. В. Бартольд. Соч. Т. V. М. 1968, стр. 512.

⁷³ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 137, 252.

⁷⁴ W. Caskei. Al-Uhaidir. «Der Islam». Bd. 39. В. 1964; A. Goodard. L'art de L'Iraq; P. 1962; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. «Труды» Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Т. VI. М. 1958.

основе эта система напоминает изобретенную еще римлянами и затем широко применявшуюся византийскими мастерами отопительную систему типа «гипокауста».

Но болгарские мастера внесли также много самобытного в способы строительства и архитектурного планирования кирпичных зданий. Ими была разработана приемлемая для природных условий Среднего Поволжья с его частыми осадками шатровая или многоскатная схема перекрытий. Об этом свидетельствуют мощные крестовидные опоры в центре зданий. Широко применялись различные водоотводы и ливневые стоки, необходимые для сохранения стен здания в сухом состоянии. Во внутренних помещениях для этих же целей служили плиточные облицовки, которыми обычно выкладывались нижние части стен. Кладка основных стен здания, особенно наружных, производилась на всю высоту только из хорошо обожженного кирпича (в Средней Азии и Хорасане для этих целей нередко шел сырцовый кирпич). При строительстве же подпольной системы отопления болгарские мастера часто употребляли и сырцовый кирпич. Очевидно, они самостоятельно разработали систему обогрева верхних этажей и стен больших зданий, то есть создали своеобразную систему калориферного отопления.

Широко применявшееся прежде всего для возведения жилых (дома богатых горожан, знати) и общественных (гостиницы, бани) зданий кирпичное строительство в Волжской Булгарии X — XIII вв. явилось первым широко разработанным строительным опытом такого типа в средней и северной полосе Восточной Европы. Отсюда система кирпичного строительства могла распространяться и на Русь, где начало возведения гражданских кирпичных сооружений относится к XIV веку⁷⁵. Тогда же на Русь проникло, вероятно, тюркское слово «кирпич»; до того на Руси пользовались греческим словом «плинфа».

В конце X в. в цитадели Биляра было возведено первое белокаменное здание — дворцовая мечеть, состоявшая из колонного зала прямоугольной формы (42 × 26 м) и большого минарета, имевшего квадратную в плане (8 × 8 м) основу. Самая идея белокаменного строительства была для болгар не нова. Еще их предки и сородичи на Северном Кавказе (Хумаринское городище), в Подонье (Маяцкое городище) и на Дунае (белокаменные постройки дворцов, храмов и крепостных стен Преслава и Плисски) возводили различные сооружения из хорошо отесанных и плотно пригнанных белокаменных блоков⁷⁶. В Волжской Булгарии домонгольской поры также были такие здания: кроме мечети на Билярском городище, аэрофотосъемкой зафиксированы остатки еще двух зданий. Очевидно, к домонгольскому времени относятся остатки оригинальной крепостной постройки — замка с четырьмя угловыми башнями на так называемом «Чертовом городище» близ Елабуги⁷⁷.

Нередко болгары подражались на строительство и на стороне. «Князь Святослав Гавриил Всеволодович... — сообщал В. Н. Татищев, — построил новую (церковь в Юрьеве Польском. — А. Х.) вельми дивную резным камением. Мастер был болгарский»⁷⁸. При Андрее Боголюбском ряд соборов древнерусской архитектуры, например, церковь Покрова на Нерли, были возведены «из собираемых и двоелетием из Болгар вывозимых камней»⁷⁹. В болгарских городах, кроме жилых зданий знати и культовых сооружений, возводились общественные здания гражданского характера, в том числе общественные бани. О трех банях «в Боларе, называемом арабами Болгаром», упоминает Абуль-Фида⁸⁰.

Болгарские города в домонгольское время являлись центрами материальной и духовной культуры. В Биляре-Булгаре, очевидно, располагалось крупное медресе — высшее учебное мусульманское заведение. Есть сведения, что это медресе окончили Хужа Ахмет аль-Болгари, бывший затем учителем султана Махмуда Газневи; Абул-Гали Хамид ибн-Адрис аль-Булгари; знаменитый поэт XII в. Сулейман ибн Дауд аль-

⁷⁵ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948, стр. 662—663.

⁷⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967; Ст. Станчев. Указ. соч.

⁷⁷ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 29.

⁷⁸ В. Н. Татищев. Указ соч. Т. III. М. 1964, стр. 456.

⁷⁹ С. М. Шпилевский. Указ. соч., стр. 114.

⁸⁰ Там же, стр. 19.

Саксины, учившийся здесь в 1120—1130 годах⁸¹. Здесь же, очевидно, получил образование первый известный болгарский историк Якуб ибн-Нугман аль-Булгари, впоследствии учившийся в Хорасане у Абу-л-Масали Джувейна и написавший «Историю Булгара». Отрывки из этой книги приводит читавший ее Хамид ал-Гарнати⁸². В болгарские медресе приезжали учиться и из других стран. Так, Ибн-Хаджар сообщает о выходе из Ирака, плененном монголами, который до того получил образование в Булгаре, а потом проживал в Анатолии и Сирии⁸³.

В Булгаре жили и поэты. Среди них упомянутый выше Сулейман ибн Дауд, автор ряда крупных поэтических произведений — «Зяхрят эр-Рийаль» («Цветок сада»), «Дастан Могжизат» («Сказание о чудесах»). В первой четверти XIII в. свое выдающееся произведение «Кысса-и Юсуф» («Поэма о Юсуфе»), получившее затем широкое распространение в Поволжье и на мусульманском Востоке, написал болгарский поэт Кол-Гали.

В XI—XIII вв. в связи с внедрением мусульманской религии в Болгарии получает широкое распространение письменность, основанная на арабской графике. Писали, очевидно, на разных материалах — бересте, бумаге, даже металлических предметах. Об употреблении бересты в качестве материала для письма свидетельствуют как археологические данные, так и сохранившаяся до наших дней в татарском языке болгаро-татарская поговорка «Тузга язмаганны сейлэмэ» («То, что не написано на бересте, не говори»). Для письма, вернее, процарапывания по бересте, были удобны костяные стержни с острым концом, напоминающие древнерусские «писала» и широко представленные в домонгольских материалах, особенно из Билярского городища. Были, по-видимому, и книги, написанные на бумаге среднеазиатского (самаркандского) производства. Металлические обложки таких книг, покрытые затейливым орнаментом и инкрустацией, известны в билярских коллекциях, как и небольшие глиняные сосудики-чернильницы. В тех же коллекциях находятся несколько железных сабель, имеющих на клинках надписи, медные и серебряные браслеты, также с надписями, наконец бронзовый замок с именем мастера Абу-Бекра, изготовленный в 1146—1147 годах⁸⁴.

Мусульманская религия явилась тормозом в развитии самобытной культуры болгарского народа. Особенно проявилось это в изобразительном искусстве, которое в условиях запрещения исламом изображений живых существ пошло по пути развития растительного, эпиграфического и геометрического орнамента. Глиняная посуда, бытовые изделия, разнообразные металлические накладки, костяные поделки, фрески на штукатурке и многое другое покрывалось орнаментом, изображающим виноградную лозу, расцветшие тюльпаны, прямые и волнистые линии. В искусстве такого орнамента болгарские мастера достигли большого совершенства. Несмотря на жесткие требования мусульманской религии, болгарские ремесленники нередко изображали в той или иной форме на своих изделиях живые существа. Так, бронзолитейщики изготавливали традиционные болгарские замки в виде фигурок барсов и собак. На глиняные сосуды, богато отделанные зеленой или темно-коричневой поливой, прикреплялись ручки в виде фигурок медведя, барса, собаки. Горла некоторых кувшинов также имели зооморфную форму. Стилизованные массивные плоские ручки в виде лосиной головы украшали края крупных сосудов. Нередко вертикальные ручки глиняных крышек оформлялись в виде головок птиц⁸⁵.

Исподволь сохранялась характерная для болгар-язычников техника граффити. Любопытна в этом отношении кринка, найденная в Билярском городище. Сверху и сбоку она ничем не отличается от многих десятков таких же сосудов, но на нижней

⁸¹ Ш. Марджани. Достоверные известия о Булгаре и Казани. Казань. 1889 (на татар. яз).

⁸² Ал-Гарнати, стр. 31.

⁸³ А. Н. Поляк. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе. «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». Сборник. М. 1964, стр. 32.

⁸⁴ С. Е. Малов. Бронзовый замок из Билярска с арабской надписью. «Записки». Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. II, вып. I. Л. 1927, стр. 158.

⁸⁵ Т. А. Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X—начала XIII в. МИА, № 111, 1962.

части ее широко раздутого тулова процарапано схематическое изображение всадника, везущего повозку. Рисунки живых существ, особенно хищных и фантастических птиц, крылатых змей и драконов изредка встречаются на болгарских костяных поделках. Сохранились и геральдические изображения живых существ. По сообщению Ш. Марджани, гербом Булгарии было изображение барса, что возможно, ибо основополагающую роль в формировании Булгарского государства сыграли барсилы, имевшие племенную тамгу в виде барса. Гербом же столицы Булгарии, по-видимому, было изображение крылатого змея-дракона (аждахи, или бараджа), поскольку, как это известно по болгаро-татарским преданиям, Биляр-Булгар был построен племенем барадж, тамгой которого был огнедышащий змей.

Хотя ислам запрещал музыку и массовые зрелища, несмотря на это, продолжала сохраняться и развиваться народная музыка. В билярских коллекциях известны глиняные свистульки, напоминающие современные детские глиняные свистульки-птички; костяные трубицы от многорожковых флейт; металлические прямоугольные рамки от щипковых инструментов типа варгана. О широком бытовании их у болгар свидетельствуют и лингвистические наблюдения. Так, марийцы и удмурты, у предков которых, судя по материалам Юмского могильника, музыкальный инструмент типа варгана появился еще в X в., до сих пор называют его болгаро-татарским словом «ковыж»⁸⁶. В билярских коллекциях известны находки костяных фишек от шахмат и шашек; многочисленны кубические фишки со знаками от 1 до 6 по сторонам для игры в кости; часто встречаются плоскосрезанные бабки-астрагалы (альчики) овец, коров и лошадей, нередко залитые свинцом, для игры в бабки. Любопытны детские глиняные игрушки — миниатюрные сосудики, напоминающие головы собак и овец.

Развитие культуры населения Волжской Булгарии и народов Среднего Поволжья было прервано монгольским нашествием. С 1223 г. по 1240-е годы длилось завоевание отчаянно сопротивлявшейся Булгарии монголами. В результате «искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к чорту»⁸⁷. Но устойчивые традиции, заложенные в болгарской культуре ранее, продолжали сохраняться и в золотоордынское время (XIII—XIV вв.), а затем преемственно перешли в культуру потомков болгар — современного тюркоязычного населения Поволжья и Приуралья.

⁸⁶ Г. А. Архипов. Указ. соч., стр. 62; П. Н. Никифоров. Марийские народные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола. 1959.

⁸⁷ «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 221.